

СОБСТВЕННЫЙ ОПЫТ КАК ТЕКСТ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ

А.В. Бородина

Тверской государственный университет, Тверь

Обсуждаются некоторые аспекты анализа переводческой мемуаристики на основе изучения собственного опыта переводчиков, представленного в виде текста. Намечаются возможные междисциплинарные подходы к методологии анализа автобиографического текста в интегративном ключе с учётом достижений психолингвистики и использованием методологии социологического исследования.

Ключевые слова: собственный опыт, автобиографический текст, переводческая мемуаристика, психолингвистика, интегративный подход, методология социологического качественного исследования.

Традиция реально существует, пока живы ее носители и возможна передача их культурного опыта следующему поколению.

Но незафиксированный в *текстах* опыт в высшей степени хрупок: уходя из жизни, человек уносит этот опыт с собой.

Р. М. Фрумкина, «Внутри истории»

Переводческая мемуаристика как таковая нечасто становится предметом изучения и/ли теоретико-методологического анализа, к тому же далеко не все переводчики пишут мемуары. Собственный профессиональный опыт переводчиков в письменном виде, как правило, фиксируется и транслируется лишь косвенно – посредством его рефлексивного осмысления и преломления в тех или иных теориях / моделях перевода, излагаемых в соответствующей научной и учебно-методической литературе [1: 22], а также – устно (например, во время специализированных семинаров для (будущих) переводчиков [2: 373–375]). Тем не менее, сами по себе мемуары переводчиков как непосредственное рефлексивное осмысление и вербальная фиксация собственного опыта в контексте и динамике своей истории (профессиональной) жизни могут стать ценным источником информации и полезным ресурсом в обучении переводу и изучении теоретико-методологических проблем, связанных с переводческой деятельностью. Представляется, что методологические рамки для изучения собственного опыта, воплощенного / вербализованного в формате мемуаров, в первую очередь, закладывает психолингвистика.

Немаловажным является тот факт, что любые мемуары – прежде всего, «проекция себя самой, своего жизненного опыта в форму текста» [8: 6], который читатель-исследователь может попытаться понять, изучить, вступить с этим текстом во взаимодействие / диалог [5]. В то же время, если любой текст имплицитно диалогичен, то автобиографический текст в этой логике, по сути дела, диалогичен эксплицитно: в силу своих жанровых особенностей это текст, «непосредственно вовлекающий читателя во внутреннее духовное пространство автора, – это прямой рассказ о себе», в том числе с помощью соответствующих словесных формул обращения к читателю; тем самым, усиливается взаимодействие читателя и автора как слушающего и говорящего, ибо «читатель готов увидеть в авторе “значимого другого”...» [8: 7].

С другой стороны, профессиональные мемуары (включая переводческую мемуаристику как их разновидность) пишутся, в большинстве своем, учеными, высоко и разносторонне образованными людьми, которые стараются не просто рассказать «о времени и о себе», но целенаправленно выделить и рефлексивно осмыслить определенные дискурсивные рамки и тематические блоки, которых они в дальнейшем придерживаются. Так, А.А. Залевская относит текст введения к своему сборнику «Слово. Текст: Избранные труды» к жанру «научной биографии», в связи с чем её «точкой отсчета» становятся «студенческие годы и более широкий социально-политический контекст тех лет, вне которого сложно понять, что именно так или иначе оказывало влияние на выбор специальности, линии поведения и т.д.» [4: 9].

Таким образом, профессиональная мемуаристика изначально не столько дескриптивна, сколько рефлексивна и интроспективна, поскольку «личный опыт ученого замечателен отнюдь не тем, что ученый “больше знает”, а тем, что исследователь изначально настроен на критический взгляд на мир» [8: 7]. В её основе, как правило, лежит решение мемуариста в какой-то момент времени «остановиться, оглянуться и осмыслить: что есть, что было, что будет, чем кончится и чем сердце успокоится» [4: 482]. Р.М. Фрумкина определяет мемуары как «способ осмыслить свои отношения с историческим временем, причем – задним числом» [8: 460]. В силу этого мемуаристика неизбежно субъективна, ибо «автор, заранее отказавший себе в праве пристрастно свидетельствовать о своем времени, напрасно берется за перо» [Фрумкина 2002: 327]. Кроме того, мемуары в высокой степени оценочны, что не всегда должным образом осмысляется и рефлексивируется исследователями: А.А. Залевская неслучайно обращает особое внимание на «учёт аффективного опыта с акцентированием

внимания на том, что человек всегда воспринимает и перерабатывает опыт при наличии определённого эмоционально-оценочного отношения к этому опыту» [4: 487]. Тем самым возникает закономерный вопрос о степени научной значимости таких текстов – субъективных и оценочных по своей природе, ведь «попытка объяснить другому, почему свою жизнь мемуарист видит именно в этих, а не в иных координатах едва ли может быть убедительной» [8: 326]. В этой связи думается, что одним из перспективных подходов к изучению переводческой мемуаристики может стать совмещение концептуальных рамок психолингвистики с методологией, разработанной в рамках социологического качественного исследования. Качественные методы в социологии изначально ставили во главу угла анализ единичного / индивидуального опыта (при всей его субъективности и аффективности) с дальнейшей проекцией на общие тенденции. Среди этих методов – изучение случая (case study), глубинное биографическое интервью и так называемая обоснованная теория (grounded theory). Достаточно полный обзор теоретических предпосылок и практического применения качественной методологии в социологических исследованиях представлен в [9].

Подобная синергетическая комбинация психолингвистики и качественной социологии представляется вполне уместной по нескольким причинам. Во-первых, основания для использования «заимствованного» методологического инструментария при анализе языкового материала даёт именно психолингвистика, ибо первопроходцами за пределы территории лингвистической науки и методологии, в то же время не порывая с самой лингвистикой, а, скорее, наоборот – укрепляя, развивая и расширяя её проблемное поле, во многом стали психолингвисты [7: 84]. А.А. Залевская указывает на то, что «большое значение в российской психолингвистике традиционно придается фундаментальным теоретическим проблемам *онтологии, методологии, выбора методов исследования*» [5: 553]. В той же логике Р.М. Фрумкина отмечает, что «психолингвистика выдвигает методологические задачи, которые лингвистика сама перед собой едва ли решилась бы поставить» [6: 13]. В рамках решения этих методологических задач психолингвистика осуществляет «систематические выходы на “чужую территорию”», задавая её вектор направленности: «от замкнутости наук – к их взаимодействию, от одноаспектности наук – к комплексности» [6: 7]. Кроме того, в силу своей междисциплинарной специфики психолингвистика изначально была подготовлена к взаимодействию с другими науками и в то же время «провоцировала исследователя на систематическую рефлексию о структуре используемых им понятий и о

сути методов» [7: 81], тогда как в самой «современной лингвистике собственная эпистемология пребывает в зачаточном состоянии, а внутринаучная рефлексия развита недостаточно» [7: 75]. В этой связи неудивительно и логично, что интегративный «комплексный подход к слову и тексту, учитывающий неразрывную взаимосвязь между телом, сознанием и культурой» был предложен психолингвистом – А.А. Залевской [3; 4: 488].

Во-вторых, многие психолингвисты периодически опираются на труды социологов – в том числе на Роберта Мертон. Так, например, Р.М. Фрумкина вводит понятие «частной эпистемологии», которую соотносит с мертоновскими «теориями среднего уровня»: «мне пришлось в свое время ввести этот термин как рабочий эквивалент построения, которое известный американский социолог Р. Мертон называл “теория среднего уровня”» [8: 185]. Подобные теории, «с одной стороны, опираются на определенные общефилософские принципы, а с другой – выработаны именно для данной отрасли знания и учитывают её специфику» [7: 79]. Кроме того, упомянутый выше интегративный подход, предложенный А.А. Залевской, предполагает «осознание необходимости объединения усилий представителей различных наук о человеке», к которым, в том числе, относятся и социологи [4: 487–488].

В-третьих, специфика профессиональных мемуаров (в том числе переводческой мемуаристики) в целом позволяет (хотя и с некоторыми оговорками) рассматривать их как некие социологические тексты – транскрипты «истории жизни» и/ли биографического интервью. Любопытно, что сами социологи – сторонники качественной методологии в рамках междисциплинарных исследований – практически вплотную приблизились к пониманию необходимости использовать (психо)лингвистические методы и приемы при анализе таких текстов, во многом сами того не осознавая. Так, И. Штейнбергом и его коллегами отмечается, что их подход «требует анализа вербальных категорий, используемых респондентами, для того чтобы разбить сложную реальность на части». Из этого подхода вытекает функциональное определение роли языка: «фундаментальная цель языка – сказать нам, что представляется важным, дав этому имя, и тем самым отделить его от других вещей с другими именами», на основании которой выстраиваются классификации, или «естественные типологии»: «после того как эти метки идентифицированы на основе анализа того, что говорят люди, следующий шаг – идентифицировать атрибуты или характеристики, которые отличают одну вещь от другой». Тем самым главной целью качественного

социологического анализа текста интервью становится понимание того, «как люди конструируют мир своего опыта, исходя из того, что они говорят об этом», поскольку «естественные типологии» респондентов отличаются от «научных» тем, что «единицы их концептуализации... должны быть “открыты” с помощью анализа когнитивных процессов у изучаемых людей, а не привнесены извне из инокультурных (и поэтому этноцентрических) классификаций поведения» [9: 264–265]. Этим (психо)лингвистический компонент анализа до поры до времени и ограничился, поскольку в исследовании Штейнберга, Шанина, Ковалева и Левинсона основной акцент делался на опыте не психолингвистов, а историков (впрочем, это предполагали исследовательские задачи данного коллектива авторов) [9: 8–9].

Несмотря на вышеупомянутые нюансы, думается, что методология анализа текста в рамках социологического качественного исследования, основанная, в том числе, на понимании способов и приемов «конструирования людьми мира своего опыта» при помощи «естественных типологий» [9] и тем самым приобретающая психолингвистическое измерение (к плотному изучению и осмыслению которого качественная социология на данный момент в целом пока еще не приступила), может оказаться полезной категорией анализа текстов переводческой мемуаристики. В качестве примера представляется уместным привести автобиографический текст переводчика Лилианны Лунгиной, представленный в книге «Подстрочник» [2]. Выбор обусловлен спецификой указанного текста, который, казалось бы, не является мемуарами в строгом смысле слова: с одной стороны, по своей жанровой принадлежности это «“устная книга”, расшифровка рассказа на телекамеру для одноименного фильма». В то же время данный текст, будучи «телевизионным синхронном» («речью, синхронизированную с картинкой»), максимально приближен к стенограмме (транскрипту) биографического интервью, поскольку, как и в глубинном биографическом интервью, мысли героини-респондента «рождаются сейчас, в момент произнесения, и задают ритм речи, который, завораживая, держит, не отпуская» [2: 5]; кроме того, по словам автора идеи и редактора книги О. Дормана, в этот текст он «внес самую незначительную правку, обычную при публикации стенограмм» [2: 8]. С другой стороны, сама Лилианна Лунгина воспринимает свой текст как автобиографический, ядро которого – типичная для мемуаров дихотомия «я и мир вокруг меня», в то же время стараясь придать своему повествованию некоторую объективность (тем самым увеличивая научную ценность данного текста для последующего изучения):

«... иначе говоря, мой опыт, то, что я переживала, те ситуации, в которые я попадала, тот выбор, который я делала, те отношения, в которые я вступала с людьми, – во всем этом все более осязательно присутствовал мир, который бушевал вокруг меня. Поэтому я подумала, что, рассказывая свою жизнь, рассказываю не о себе, не столько о себе... Потому что мне казалось диким предложение – с чего это я буду вдруг говорить о себе? Я не считаю себя, например, умнее других... и вообще не понимаю, почему должна говорить о себе. Но вот о себе как некоем организме, который вобрал в себя, абсорбировал элементы внешней жизни, сложной, очень противоречивой жизни этого мира вокруг, – может быть, стоит попытаться. Ведь тогда получается опыт той, большой жизни, пропущенной через себя, то есть что-то объективное. И как объективное – может быть, что-то ценное» [2: 16–17].

Таким образом, «естественная типология», намеченная автором-респондентом, позволяет рассмотреть «Подстрочник» как разновидность переводческой мемуаристики. В связи с ограниченным форматом настоящей статьи, при анализе текста «Подстрочника» представляется целесообразным ограничиться «естественной типологией» перевода как профессиональной деятельности автора-респондента, а в рамках этой типологии – двумя важными для Лунгиной темами (топиками), как-то: общение с автором исходного текста и концепция того, что с легкой руки К.И. Чуковского принято называть «искусством перевода».

Общение с автором исходного / переводимого текста. Таким автором для Л. Лунгиной стала Астрид Линдгрэн, написавшая «Карлсона, который живет на крыше», ставшую с помощью Лунгиной-переводчика одной из самых знаменитых и любимых детских книг в СССР. Свою встречу с ней Лунгина описывает как счастливую случайность или «счастливый жребий» («в рабочем плане я вытянула невероятно счастливый жребий»), по значимости приравненный ею к знакомству с будущим мужем [2: 255]. Помимо знакомства с чудесным человеком – Астрид Линдгрэн, «совершенно из своих книг, замечательной, худой, высокой, очень веселой, очень живой и как-то очень непосредственно на всё реагирующей» [2: 256], благодаря своему переводу «Карлсона...» Л. Лунгина также получила возможность интегрироваться в мир художественной интеллигенции и легитимизировать свою деятельность как переводчика в советском обществе, тем самым получая доступ к определенным благам и привилегиям:

«... то, что я смогла перевести четыре её книжки (а каждая состоит из трех отдельных книжек, то есть получается в целом двенадцать), не только было огромной радостью, удовольствием и счастьем работы, но еще сделало меня в этом мире знаменитой, помогло мне жить, разговаривать с жуткими

домоуправами, получить авиабилет, когда его купить нельзя, переезжать потом через таможни, облегчило прочие тяжелые минуты нашей жизни» [2: 258].

Концепция перевода. Профессиональная переводческая деятельность также описывается автором-респондентом в эмоционально-оценочных категориях «счастья», а также вполне в духе Ф. де Соссюра сравнивается с музыкальным исполнением. Опыт Лунгиной-переводчика позволяет ей провести собственный критический анализ перевода, сопоставимый с переводческими концепциями К.И. Чуковского и Н. Галь, в то же время делая наблюдение психолингвистического характера о влиянии языковой личности переводчика на переводимый им текст:

«Переводить – огромное счастье. Искусство перевода я бы сравнила только с музыкальным исполнением. Это интерпретация. Не берусь говорить, какая лучше, какая хуже, – каждый выбирает, что ему нравится. Но, скажем, я переводила рассказы Бёлля, и есть другие переводы Бёлля – это совершенно разный Бёльль. И я думаю, что судьба Ремарка, о котором у нас писали, что он беллетрист, что он автор второго сорта (а это абсолютная неправда – он писатель первого сорта) – его судьба здесь сложилась так только потому, что его переводили, увы, неудачно. Пошлые переводчики. И любовные сцены, которые он пишет изумительно, на высоком накале чувств, получились пошловатыми. Так как я этих переводчиков знаю лично, то я просто видела их портреты. Человек, когда переводит, расписывается, пишет свой портрет, чувствуется, каков он есть» [2: 259].

Анализ текста «Подстрочника» и его сюжетов, связанных с переводческой деятельностью автора-респондента, показывает, что основная идея всего текста и «ключ» к пониманию собственного опыта Л. Лунгиной – это аффективное осмысление пережитого в категориях счастья / радости и жизнеутверждающей победы добра над злом:

«У нас особый случай, мы счастливым вытянули билет радостной жизни на страшном, мрачном фоне... Жизнь безумна, но все-таки прекрасна. Она безумна, страшна, ужасна, но вместе с тем прекрасна, и я все-таки думаю, что хорошее в ней преобладает над плохим. Над страшным. Я в этом даже уверена. Во всяком случае, мой опыт этому учит» [2: 382].

Итак, специфика переводческой мемуаристики в целом позволяет исследовать эти мемуары с применением методологии социологического качественного исследования и опорой на психолингвистику, способствуя сближению «частных эпистемологий» этих наук в интегративном ключе и повышая качество анализа автобиографических текстов, делая изучение сложных и многогранных междисциплинарных феноменов – таких, как переводческая деятельность и собственный опыт, – более разносторонним, глубоким и плодотворным.

Список литературы

1. Бородина А.В. Проблемы понимания и рефлексии в устном переводе: из опыта работы переводчиком на предприятиях Тверской области // Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании: всероссийская научно-практическая Интернет-конференция и круглый стол: сб. науч. тр. Тверь: ТвГУ, 2016. С.21–30.
2. Дорман О. Подстрочник. Жизнь Лилианны Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М.: Астрель: CORPUS, 2010. 383 с.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 177 с.
4. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.
5. Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: РГГУ, 2007. 560 с.
6. Фрумкина Р.М. Предисловие // Психолингвистика: сб. ст. / Сост. и общ. ред. А.М. Шахнарович. М.: «Прогресс», 1984. С.5–19.
7. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995. С.74–117.
8. Фрумкина Р.М. Внутри истории: Эссе, статьи, мемуарные очерки. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 480 с.
9. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009. 352 с.

PERSONAL EXPERIENCE AS TEXT: TOWARDS METHODOLOGICAL ANALYSIS OF TRANSLATOR'S MEMOIRS

A.V. Borodina

Tver State University, Tver

The paper attempts to discuss some challenging analytical aspects of translator's memoirs based on the research on translator's personal experience represented as text. The author outlines possible interdisciplinary approaches to the methodology of autobiographical text analysis in the integrative framework using insights of psycholinguistics and methodology of sociological qualitative research.

***Keywords:** personal experience, autobiographical text, translator's memoirs, psycholinguistics, integrative approach, methodology of sociological qualitative research.*

Сведения об авторе:

БОРОДИНА Анна Владимировна – магистрант факультета иностранных языков и межкультурной коммуникации Тверского государственного университета, e-mail: juristka80@mail.ru